

Юрий ЧУРБАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЕР

МОЙ ТЕСТЬ ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ

Политический бестселлер

Юрий Чурбанов

Мой тесть Леонид Брежнев

«Алисторус»

2013

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Чурбанов Ю. М.

Мой тесть Леонид Брежнев / Ю. М. Чурбанов — «Алисторус»,
2013 — (Политический бестселлер)

ISBN 978-5-4438-0020-2

Последним зятем Леонида Ильича Брежнева, чье столетие со дня рождения отмечалось в 2006 году, был Юрий Михайлович Чурбанов, которому в этом же году исполнилось 70 лет. Головокружительная карьера, которую сделал молодой сотрудник МВД благодаря удачной женитьбе на дочери генерального секретаря, стала темой пересудов, сплетен и зависти, приведших его после смерти всесильного тестя на скамью подсудимых и в места не столь отдаленные. Воспоминания, начатые Ю. М. Чурбановым еще в лагере и впервые опубликованные сразу после его освобождения из тюрьмы, куда он был незаконно брошен, подкупают своей искренностью, прямоотой и интересными подробностями из жизни семьи Брежневых, в которой автор прожил в последние годы закатной советской эпохи. Нынешней пенсионер Чурбанов, лишенный всех званий и наград, оглядывается на пройденную жизнь без сожаления и стыда.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0020-2

© Чурбанов Ю. М., 2013
© Алисторус, 2013

Юрий Чурбанов

Мой тесть Леонид Брежнев

Посвящается Галине Леонидовне Брежневой

Мой арест произошел 14 января 1987 года в кабинете начальника следственной части Генпрокуратуры Советского Союза Германа Петровича Каракозова.

Накануне Каракозов позвонил мне на квартиру и сказал, что завтра ждет к себе в 12 часов дня. Утром мы еще раз перезвонились, и, ни о чем не подозревая, я приехал в Прокуратуру. Внизу меня ждал следователь по особо важным делам Литвак. Мы поздоровались за руку, Литвак приветливо улыбнулся, он вообще производил впечатление очень обаятельного человека, и мы поднялись на второй этаж в приемную Каракозова.

Но только я переступил порог, как мне навстречу поднялись два молодых человека с хорошей полувоенной выправкой (я так и не узнал, кто они такие) и заявили: «Вы арестованы!» Тут же, в приемной, с меня сняли подтяжки, галстук, часы, из ботинок выдернули шнурки. Понятыми были две женщины, сотрудницы прокуратуры, как я узнал потом от следователя Миртова, да и понятно, что сотрудницы, с улицы кого попало ведь не позовешь, все-таки генерал-полковника арестовывают как-никак. Хорошо, что в этот момент я был в штатском, не в военной форме, а то могли бы, пожалуй, и погоны сорвать, хотя я еще и звания в то время не был лишен, это произошло гораздо позже.

Вот так, поддерживая штаны руками, я предстал пред светлые очи Германа Петровича Каракозова, начальника всех следователей СССР. В его кабинете уже находились Гдлян и Иванов, полковник юстиции Миртов, молодые люди, объявившие мне об аресте, и еще один человек, я его не знаю (может быть, он из КГБ?). Особенно меня поразил Каракозов. Сейчас это был уже не тот улыбающийся Герман Петрович Каракозов, которой месяца два назад первый раз попросил меня заехать к нему в служебный кабинет. За столом сидел хмурый, довольный собой человек – довольный первой победой! Каракозов сразу показал мне ордер на арест, подписанный заместителем Генерального прокурора Сорокой, причем (надо понять состояние, в котором я находился) все это было сделано так быстро, даже мельком, что я даже не успел разглядеть стоявшую на нем дату. Впрочем, какая разница?

Я знал, что меня могут арестовать, готовятся к этому, ищут «ключики». Еще в то время, когда министром внутренних дел СССР был Федорчук, за мной установили наружное наблюдение: внешне – никаких следов, в КГБ работают профессионалы высокого класса, но я чувствовал, что за мной следят. Накануне ареста у меня уже была очная ставка с неким Каримовым, бывшим первым секретарем Бухарского обкома, которая была деликатно обставлена, по всем правилам продуманного «пресса». Точно так же, как сейчас, мне позвонил Каракозов, я приехал к нему, в кабинете был все тот же Литвак, и вдруг вводят небритого, если не сказать грязного, незнакомого мне человека «восточного типа». Откуда он появился, из какой комнаты вышел, я даже не знаю. Бросилось в глаза, что он без галстука, очень волнуется и растерян. Каракозов спрашивает: «Юрий Михайлович, вы узнаете этого человека?» – «Нет, первый раз вижу». – «И никогда не видели?» – «Нет, никогда». – «Ну как же, ведь это Каримов!» – «Какой Каримов? В Узбекистане Каримовых все равно что в России Сидоровых и Петровых». – «А помните, вы приезжали в город Газли?»

И я вспомнил. В 1979 году (а тогда шел 1987-й), находясь в служебной командировке в Узбекистане, я прилетел в Бухару и на аэродроме выразил желание посмотреть находящийся неподалеку городок Газли, в свое время (по-моему, за три года до этого) сильно пострадавший от землетрясения. Войска МВД СССР участвовали в работах по ликвидации последствий землетрясения, так что мой интерес был вполне оправдан. (Кстати, в Газли начинается нитка

газопровода Бухара – Урал, – именно Урал, где я и нахожусь сейчас в колонии усиленного режима; все-таки какая-то злая символика здесь присутствует.) И хотя этот Каримов, встретивший меня в аэропорту, сразу стал приглашать покушать и отдохнуть с дороги, я ответил, что перекусить мы всегда успеем, но сейчас надо заняться делом и посмотреть Газли. Мы сели в машины, тронулись в путь – это 90 километров по хорошей шоссейной дороге, осмотрели город, а на обратном пути я неожиданно для всех попросил остановить свой служебный автомобиль у одного из магазинов. Входим туда. За мной идут Каримов и начальник Бухарского УВД генерал

Норов. И что мы видим? Мяса нет, продуктов раз-два и обчелся, даже сигарет, я помню, не было, только махорка, это сейчас махорка стала мечтой курильщиков, а по тем временам отсутствие сигарет в магазине – уже ЧП. Спрашиваю у девушки-продавца: «Почему же даже сигарет нет?» Она отвечает: «Что привезут с базы, то и продаем».

Тем временем к магазину стали стекаться местные жители, собралась толпа порядка 150–200 человек. Поздоровавшись, спрашиваю, как они живут, какие у них есть вопросы. И тут одна женщина, по характеру, видно, бойкая особа, говорит: «Товарищ генерал, вас здесь обманывают, пускают пыль в глаза, с продуктами у нас плохо, мяса мы не видим, на рынке оно стоит дорого, молока тоже нет». В общем, обычные жалобы покупателя. Я посмотрел на Каримова и спокойно, не повышая голоса, спрашиваю: «Неужели нельзя помочь этим людям и навести порядок? Ведь Бухара рядом!» Он тут же в присутствии всех заверил меня: «Юрий Михайлович, все будет как надо». Вот, собственно говоря, и весь инцидент (если это можно назвать инцидентом). Мы простились с людьми, сели в машины и после обеда и короткого отдыха в Бухаре я вернулся в Ташкент.

Разумеется, о том, что было в Газли, я очень скоро забыл. Были, как говорится, и другие дела. И вдруг сейчас, спустя восемь лет, Каримов в кабинете у Каракозова утверждает, что в Газли с моей стороны проявились грубость и неуважение, он растерялся, и, чтобы избежать скандала, в тот же день за обедом умудрился засунуть мне в боковой карман кителя десять тысяч рублей.

Я опешил. Смотрю на этого человека и думаю: «Господи, да человек ли он, ну как же можно так нагло врать?» Сидит, весь трясется, ясно же, что он все это выучил со слов Каракозова, что ему противно говорить такие глупости, но он – вынужден. Позже я узнал, что Каримов обвинялся в получении взяток на три или четыре миллиона, он шел под расстрел, так что ему было нетрудно признать по просьбе следователей еще десять тысяч рублей, выторговав тем самым для себя хоть какие-то льготы. Даже если в этой пачке были только сторублевые бумажки, то как, спрашивается, она может влезть в карман кителя? Впрочем, я уже тогда понял, что если Каракозов пожелает, то она «влезет». Нам не дали возможности задать вопросы друг другу, я просто сидел и слушал Каримова. Повторяю, мне никто не сказал, что это очная ставка. Так очные ставки не проводят. Там не было даже магнитофона. Я вообще не представляю, как Каракозов и Миртов писали потом протоколы, с чего? Листая перед судом тома уголовного дела, я тот протокол очной ставки не обнаружил. А может быть, они его так аккуратно подшили, что я этот протокол просто не заметил, такие манипуляции следователей хорошо известны. Но ведь с него все началось!

Забегая вперед, скажу, что через два с лишним года, когда я был уже эком, мне пришлось случайно встретиться с Каримовым на этапе. Он ехал в Ташкент по делу бывшего управляющего делами ЦК КП Узбекистана Умарова, если не ошибаюсь, а я – по делу бывшего секретаря Навоийского обкома партии Есина. Здесь, в «столыпинском» вагоне, в котором у нас перевозят заключенных, Каримов подробно рассказал мне, как его «ломали» Гдлян и Иванов, как накануне очной ставки Каракозов в кампании с Гдляном и Ивановым угрозами и шантажом вынудили его дать показания против меня. Я спросил: «Почему же возникли именно десять тысяч?» Каримов ответил, что так ему сказали в следственной части Прокуратуры СССР...

Вот такая была «очная ставка». Что делать? Уехать в другой город? Сделать так, чтобы меня не нашли? Конечно нет, это все глупости. Во-первых, спрятаться не удастся. Во-вторых, если человек скрывается от кого-то, он еще больше переживает, всего боится, у него болит душа, появляется рваный сон, и он в итоге натворит еще больше глупостей. А тучи стали собираться. Все было глубоко продумано. Я находился на даче, ни с кем не встречался, Каракозов на какое-то время тоже затих. Потом я сильно простудился, попал в больницу, две-три недели меня никто не трогал, хотя Каракозов в больницу позванивал, спрашивал, как я себя чувствую, звонил и мне, и врачам, – я думаю, он не здоровьем интересовался, конечно, а не сбежал ли я куда-нибудь.

И вот меня арестовали. Не верил я, что арестуют, но так произошло.

Своей жене, Галине Леонидовне Брежневой, я ничего не говорил. Щадил человека. Ей и без того было очень тяжело.

Все-таки потом весь ход следствия покажет, что это была заранее спланированная акция, что решение арестовать меня принималось на самом «верху». Умирать буду, но на всю жизнь сохраню в памяти этот день, надвое разделивший всю мою жизнь.

В кабинете у Каракозова, как уже говорилось, я увидел Гдляна и Иванова.

Кто-то, по-моему, Гдлян, положил передо мной белый лист бумаги, дал мне свою ручку, заправленную чернилами, потому что моя, шариковая, была отобрана, и тут же, пока я не опомнился от самого факта ареста, предложил написать заявление о моей явке с повинной. Теперь я думаю: какое счастье, что я все-таки сообразил тогда и категорически от этой «повинной» отказался. Тогда была бы верная смерть. По лицу Каракозова пробежала тень, но он быстро взял себя в руки. Гдлян тоже не слишком огорчился. Начался перекрестный допрос, и в ту же минуту под издевательски размеренную диктовку Гдляна я написал заявление на имя Генерального прокурора СССР Рекункова о том, что, занимая ответственные посты в МВД СССР, я получил взятки на сумму в общей сложности полтора миллиона рублей. Расхаживая по кабинету Каракозова, Гдлян диктовал мне имена и фамилии 132 человек, от которых я якобы получал деньги, и сам называл суммы взяток: 10, 20, 50, 200 тысяч – сколько хотел! Все это были люди, в той или иной степени интересовавшие следствие, – Гдлян диктовал, а я писал. Что происходило со мной, я помню очень смутно, все было как в страшном сне: Гдлян называет какие-то имена, а я сижу в роли технического исполнителя и пишу на имя Рекункова все, что он говорит. Потом меня вывели через черную лестницу во двор, посадили в «рафик», по бокам с обеих сторон сели дюжие молодцы, схватив меня, чтобы не убежал, за кисти рук, и доставили в Лефортовский следственный изолятор КГБ СССР. И только ранним утром я понял, что в моей жизни произошло что-то непоправимое и трагическое.

Усталость, болезненное состояние, полная отрешенность и невосприимчивость, жуткая подавленность преследовали меня и 15 января 1987 года. Пошел второй день моего пребывания в следственном изоляторе. Разумеется, я почти не спал.

Вот ведь как распорядилась судьба: следственный изолятор КГБ находится буквально в двух шагах от штаба внутренних войск МВД СССР, где я работал последние годы. Каждый день приезжая в Лефортово на работу, я и не знал о существовании этого изолятора, подчиненного КГБ. Народ там работает подготовленный, в Лефортове нет солдат, только прапорщики-контролеры и офицеры. Многие меня узнали, но не злорадствовали так, как отдельные работники прокуратуры. Что ж, и на том спасибо, как говорится.

Допросы продолжались весь следующий день. В Лефортове, на втором этаже, есть служебные кабинеты следователей: туда и приехали Гдлян, Иванов, чуть позже – Миртов, Каракозов, то есть вся их компания. Мне очень хотелось прийти в себя, хоть немного успокоиться и опомниться, собраться с мыслями, я сразу попросил об этом Гдляна и Иванова, но они, конечно, оставили мою просьбу без внимания и только смеялись мне в лицо. Другими словами, метод их психологического воздействия, которым они – надо отдать им должное – так мастер-

ски владеют, заработал в полную силу. И пошел этот пресс! Начались ежедневные, изнуряющие, многочасовые допросы, опять пошли фамилии каких-то людей, якобы передававших мне деньги в Узбекистане. И тут я опять не смог сказать ничего вразумительного, безвольно подтверждал все, о чем говорили Гдлян и Иванов. А потом под их диктовку все это почти машинально записывал на бумагу.

Я не мог контролировать свое поведение и не мог взять себя в руки. Все было как в тумане. В первые четыре дня я совершенно отказывался принимать пищу. Приходил с допроса, замертво валился на нары, но все равно не мог уснуть. В память врезалась такая деталь: в камере есть «кормушка», туда кинули миску с какой-то кашей, это было утро, я сказал контролеру-прапорщику, что отказываюсь от завтрака, что нет никаких сил заставить себя что-то съесть, и вдруг этот прапорщик, молодой парень, говорит: «Покушайте, а то вы ослабнете, вам надо силы беречь...»

Я взятки не брал. Понимаю, что после града статей в нашей прессе об «унтере в лампадах», погрязшем во всякого рода должностных преступлениях, кому-то из читателей такое заявление наверняка покажется просто... несерьезным. Эти статьи сделали свое дело. Они основательно подготовили и настроили общественное мнение. За все эти годы высказаться в прессе мне практически не удавалось, честно повел себя только один-единственный журнал «Театральная жизнь», там опубликовали мой рассказ, не изменив в нем ни строчки.

Это – редкость. Журналисты обычно поступали иначе. Теперь я – уже в одиночку – буду бороться со всеми, кто в 1987–1990 годах без стыда и совести клеветал на меня, врал и на суде, и после суда, кто меня обманул.

Вот почему я пишу эту книгу. Люди должны знать правду. И я расскажу все, как было, чего бы мне это ни стоило. Когда человек сидит за колючей проволокой, с ним всегда легче бороться, чем когда он на свободе, и здесь, в колонии, его легче добить. Но ведь мне терять уже нечего.

Вот только один штрих. Когда мне в Лефортове стало совсем худо, когда по намекам Гдляна, Иванова и полковника Миртова я понял, что меня могут расстрелять, для этого, как говорится, все готово, когда уже не было никаких сомнений, что «кремлевско-узбекское дело» превращено Гдляном и Ивановым в грандиозный политический спектакль, я не выдержал, и, выбрав удобный момент, обратился с устной просьбой к начальнику изолятора (такие просьбы на бумаге не фиксируются) о встрече с Председателем КГБ СССР генералом армии Виктором Михайловичем Чебриковым. Я сказал начальнику: «По личному вопросу». Странно, наверное, но моя просьба была исполнена.

Меня вызвали через несколько дней, вид у сопровождающих прапорщиков был перепуганный, кажется, я и руки за спиной не держал, они за мной не следили, им было не до того. Мне посоветовали получше одеться, я эти рекомендации выполнил как мог, и вот когда я вошел в кабинет начальника следственного изолятора, за его столом сидел Чебриков. Мы за руку поздоровались, он представил мне второго человека, которой был с ним, сказал, что это его помощник по Политбюро. Была и такая должность. Началась беседа. Чебриков поинтересовался, нет ли с моей стороны жалоб на содержание или питание, их не оказалось, хотя на питание в Лефортове (да и в других изоляторах КГБ) полагается 47 копеек в сутки – каша и супы, вот и все питание. Больным людям, сердечникам и язвенникам, иногда дают немножко масла и отварного мяса, а все остальное, то есть конкретно: печенье, белый хлеб, какие-то самые банальные продукты, а также сигареты и мыло можно приобретать в тюремном магазине на 10 рублей в месяц, не больше. Мне запретили получать передачи из дома. (Гдлян говорил, что какие-то партийные функционеры, особенно узбеки, хотят меня отравить). Но Чебрикову я не жаловался. Я сразу спросил его о другом: «Виктор Михайлович, вы меня знаете, я вас знаю, скажите честно – кому и зачем понадобился весь этот спектакль? Что происходит?» Чебриков спокойно, глядя мне в глаза, ответил: «Юрий Михайлович, ваш арест обсуждался

на Политбюро». И довольно выразительно на меня посмотрел. Тут я все понял. Это Политбюро, а не Прокуратура СССР, решало, быть мне заключенным или не быть. Если мне не изменяет память, Чебриков сказал, что среди членов Политбюро даже было голосование по этому вопросу.

Вот когда я сломался. Стало ясно, что любое сопротивление не имеет смысла, ибо мой арест – это заранее спланированная политическая акция и что судить, собственно говоря, собируются не меня. Я оказался прав. Это был суд над Леонидом Ильичом Брежневым. Так подтверждалась «перестройка».

* * *

В один из январских вечеров 1972 года я с товарищем приехал поужинать в Дом архитектора на улице Щусева. Пришли в ресторан, сели за столик, заказали, как помню, холодный ростбиф, салаты и бутылку вина. Не знаю, как сейчас, но тогда в ресторане Дома архитектора был большой камин, и вот когда его разожгли, я заметил, что в глубине зала за двумя столиками, сдвинутыми вместе, сидит знакомая компания. Разумеется, мы с товарищем тут же подошли, поздоровались, присели, и нас познакомили с теми, кого мы не знали, и в том числе – с молодой внешне интересной женщиной, которая представилась скромно и просто: «Галина». Я и понятия не имел, что это Галина Брежнева.

Так состоялась знакомство. Наверное, если бы я был писателем, я бы говорил сейчас о том, что весь вечер старался смотреть только на Галину Леонидовну, ибо вдруг стало как-то очень уютно и хорошо, но я не писатель и скажу, как было: этот человек мне сразу понравился. Мы о чем-то поговорили, но не очень долго, вечер близился к концу, пришла пора расставаться, и все разъехались по своим домам. Не помню, просил ли я Галину Леонидовну оставить свой телефон, как это обычно бывает между людьми, установившими добрые отношения, – кажется, нет. В конце концов, компания была знакомая, и я решил, что где-нибудь мы, конечно же, встретимся.

Прошло какое-то время, и получилось так, что Галина Леонидовна сама позвонила мне на работу. В оригинально-шутливой форме спросила, куда же я исчез, почему не звоню. Не скрою, я обрадовался такому звонку. Мы тут же решили встретиться. После работы Галина Леонидовна заехала за мной, и мы провели вместе целый вечер. Мне было очень интересно. Эта женщина нравилась мне все больше и больше. Потом я уехал в отпуск, отдыхал в Подмосковье, Галина Леонидовна несколько раз приезжала ко мне, и я тоже ездил в Москву. Наши отношения стали сердечными. И только тут она призналась, чьей дочерью является.

Может быть, и не стоит об этом подробно говорить, но читатель сам помнит, какой ажиотаж был поднят в газетах и журналах вокруг нашей семьи. Лучше я сам скажу, как же все было на самом деле.

Когда мы с Галей решили пожениться, она пригласила меня на дачу к отцу. Решение оформить наш союз законным образом было принято, конечно, не с бухты-баракты, а после долгих совместных размышлений. У меня были и просто человеческие колебания: «А по Сеньке ли шапка?» – спрашивал я себя. Все-таки такое дело, Галина Леонидовна – дочь Генерального секретаря ЦК КПСС, я войду в его семью, готов ли я к этому, как еще все получится? И вот Галя говорит, что Леонид Ильич хочет со мной встретиться и познакомиться.

Конечно, состояние у меня было очень сложное: знакомство не с простым человеком, с руководителем нашей партии и государства, – оторопь, одним словом, была достаточна велика. Но раз надо знакомиться – значит надо.

Все знают, что Леонид Ильич и Виктория Петровна, его супруга, имели квартиру на Кутовском проспекте. Это пять или шесть комнат с обычной планировкой. Шум, гам – за окном обычная московская жизнь. Что и говорить, здесь не было необходимых условий для полноцен-

ного отдыха, поэтому свою московскую квартиру Леонид Ильич не любил и бывал здесь крайне редко, всего пять-шесть дней в году. В Подмоскowie, в Одинцовском районе, у него была государственная дача. Он жил на ней круглый год. Пройдет время, и в самом конце 70-х годов Леониду Ильичу предложат новую благоустроенную квартиру на улице Щусева. Конечно, тут было лучше, чем на Кутузовском проспекте, центр рядом, всего несколько минут езды, но то ли Леонид Ильич был однолюб, то ли еще что, – он посмотрел новую квартиру и сказал, что она для него чересчур большая. Скорее всего, она просто не понравилась ему своей казенностью, что ли, я не знаю. А квартира на Кутузовском была скромнее: это обычный московский дом старой постройки, потолки что-то около трех метров, комнаты в среднем 25–30 метров: столовая, небольшой рабочий кабинет, спальня, гостиная... Обслуживающий персонал – всего три человека: повар, готовивший пищу под руководством Виктории Петровны (она всегда подсказывала, что Леонид Ильич любит больше всего и как это получше приготовить), официантка и уборщица. Охраны здесь не было, она помещалась внизу, на первом этаже. В самом подъезде кроме семьи Брежневых и Юрия Владимировича Андропова, который жил двумя этажами ниже, были квартиры министров, партийных и советских работников, причем разного ранга, – то есть это не был дом Брежнева, это был обычный дом № 26, расположенный на Кутузовском проспекте. Здесь, в этой квартире, у Леонида Ильича была хорошая библиотека и такая же, если не больше, находилась и на его даче.

Сколько же было публикаций об этой даче Генерального секретаря! Вся беда в том, что я, например, не видел ни одной фотографии к этим публикациям. А кто-нибудь их видел? Интересно, почему бы не показать? Ведь Леонид Ильич жил не на какой-нибудь супердаче: это был обычный трехэтажный кирпичный дом с плоской крышей. Наверху располагалась спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны, они все время предпочитали быть вместе, и когда Леонид Ильич 10 ноября 1982 года принял смерть, Виктория Петровна спала рядом; небольшой холл, где он брился (сам, но чаще приглашая парикмахера). На втором этаже две или три спальни для детей, очень маленькие, кстати говоря, от силы 9—12 метров с совмещенным туалетом и ванной. Мы спали на обычных кроватях из дерева. Внизу жилых комнат не было, там находились столовая, рядом кухня и небольшой холл. На третьем этаже Леонид Ильич имел уютный, но совсем крошечный кабинет. Там же была библиотека. Обычно он отдыхал здесь после обеда, и никто не имел права ему мешать. Всех посетителей Леонид Ильич принимал в основном на работе. На дачу приезжали только близкие товарищи, это было довольно редко, обычно гости собирались к ужину и разъезжались, как правило, часов в десять, в половине одиннадцатого, но не позже. Леонид Ильич старался жить по строгому распорядку, мы знали этот распорядок, и его никто не нарушал. В одиннадцать он уже спал. Леонид Ильич ложился с таким расчетом, чтобы проснуться не позже девяти.

На всю дачу приходился один видеомаягнитофон и один телевизор – советского производства, по-моему, «Рубин». Леонид Ильич всегда очень внимательно смотрел программу «Время», а потом уходил спать. На первом этаже был кинозал, в нем стоял бильярд, на котором Леонид Ильич почти не играл, – но это не кинотеатр, именно кинозал, где Леонид Ильич обычно смотрел документальные фильмы. Он их очень любил, особенно фильмы о природе.

В доме был бассейн, где-то метров пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше – метров шесть. Утром Леонид Ильич под наблюдением врачей делал здесь гимнастику. Рядом с домом был запущенный теннисный корт, на нем никто не играл, и он быстро пришел в негодность, зарос травой.

Правда, весь дачный участок занимал довольно большую территорию, но не больше, чем у других членов Политбюро: после работы и в выходные дни Леонид Ильич очень любил пройтись по свежему воздуху. За пользование государственной дачей с него так же как и со всех, высчитывали деньги, не знаю, сколько, но знаю, что за нее платили, так как Виктория Петровна, которая распределяла бюджет семьи, иногда «докладывала»: «Все в порядке, за дачу я запла-

тила на полгода вперед». На что Леонид Ильич посмеивался: «А как же, ведь мы здесь живем, платить-то надо». Разумеется, деньги платились и за квартиру на Кутузовском проспекте.

Вот сюда, на загородную дачу, Галина Леонидовна и пригласила меня для встречи с Леонидом Ильичом. Это был обычный день, мой отпуск шел к концу. Приехали где-то к обеду, Галя сразу познакомила меня с Викторией Петровной, и я увидел очень простую, удивительно обаятельную женщину. Сели за стол, и она как-то так повернула разговор, что моя скованность, давайте употребим это слово, быстро прошла. И если посмотреть со стороны, – за столом сидели два хорошо знакомых человека и мирно беседовали на самые разные житейские темы. Вечером мы с Галей были в кинозале, смотрели фильм, – и я даже не сразу заметил, как вошел Леонид Ильич. Только вдруг на фоне света увидел: стоит коренастый человек в серой каракулевой шапке-пирожке. Я поднялся, а он спрашивает: «Ты – Юрий?» – «Я». Тут он говорит: «А чего ты такой высокий?» Я хотел отделаться шуткой, но она у меня как-то не получилась, а он сказал: «Хорошо, я сейчас пойду разденусь, потом поужинаем и поговорим». Вот так состоялось знакомство. Потом был ужин: Леонид Ильич, Виктория Петровна и мы с Галей. Он задал вопрос: «Ваше решение серьезно?» И меня и Галю спросил. «Да, мы подумали». И с моей стороны было сказано: «Да». Леонид Ильич поинтересовался, где я работаю. А я занимал должность заместителя начальника политотдела мест заключения МВД СССР, курировал как раз те зоны, где теперь вот сам сижу. Он никак не отреагировал, видно, знал уже кто и на какой должности. Что и говорить, пока мы не сели ужинать, я чувствовал себя очень скованно, но Леонид Ильич так легко держал себя, так уважительно относился к своему молодому собеседнику, так хорошо вспоминал о своем рабочем прошлом, сказал мне, что в органах внутренних дел надо серьезно трудиться, что скованность незаметно прошла, и вот уже за столом сидели два человека, которым было о чем поговорить. Кстати, Леонид Ильич – человек очень неплохого юмора, интересный, живой собеседник, и когда мы расставались, я был уже совершенно раскованным и питал самые добрые чувства к родителям своей будущей жены.

Видимо, я все-таки понравился ему. И не потому, что, как пишут, высокого роста (181 сантиметр), широкий в плечах, кареглазый... наверное, не только поэтому. В то время у Галины Леонидовны недостатка в женихах не было. И уровня они были повыше, чем подполковник Чурбанов. Молодой офицер, еще не известно, как у него сложится служебная карьера, не споткнется ли он... Но – понравился.

Мы расписались в загсе Гагаринского района. Леонид Ильич категорически запретил нам обращаться во дворцы бракосочетания; он хотел, чтобы все прошло как можно скромнее. Мы специально выбрали день, когда загс был выходной, приехали, нам его открыли, мы расписались, поздравили друг друга – что и говорить, пышное получилось торжество при пустом-то зале. Свадебный ужин проходил на даче и длился часа три. Можно представить себе робость моих родителей, когда их доставили на большой правительственной машине на дачу Генерального секретаря ЦК КПСС. Из двух костюмов отец выбрал самый лучший, что-то подыскала мама, отец и мама считали, что они нарядно одеты, а мне их было до слез жалко. Конечно, они очень стеснялись, мама вдобавок ко всему еще и плохо слышит, но отец держался с достоинством, не подкачал. Гостями с моей стороны были брат, сестра, несколько товарищей по работе, Галя тоже пригласила двух-трех подруг – в общем, очень узкий круг. Было весело и непринужденно. Леонид Ильич сам встречал гостей, выходил, здоровался. Представляю себе состояние того человека, кого он как хозяин выходил встречать, но потом выпили по рюмке, и скованность ушла. Вот не помню, были ли танцы, кажется, нет, кто-то смотрел в кинозале фильмы, кто-то просто прогуливался по территории. За столом царил приятная и добрая обстановка. Леонид Ильич сам назначил себя тамадой, очень много шутил, рассказывал какие-то веселые истории и был с гостями до конца, пока все не разъехались. Вот так мы с Галиной Леонидовной Брежневой стали мужем и женой.

* * *

Несколько слов о себе. Я родился 11 ноября 1936 года, а 10 ноября, если читатель помнит, День советской милиции. Мой отец, Михаил Васильевич, сын крестьянина. Мать, Мария Петровна, родом с Украины. Она моложе отца на пять лет, но они еще бодрятся, хотя отец перенес инсульт и тяжело болеет. Живут в Москве в небольшой двухкомнатной квартирке. Недалеко от них, на улице Алабяна, квартира моей сестры, а брат с семьей живет в такой же двухкомнатной квартире на улице Фестивальной, у Речного вокзала. Может быть, я мог бы помочь им получить благоустроенные квартиры где-то в центре, но в отличие от того, что пишут наши газеты, я подобными вопросами никогда не занимался, так как по существующим в Москве нормативам та площадь, которой располагали мои близкие родственники, была вполне достаточной и, понимая это, они никогда ко мне с подобными просьбами не обращались.

Не могу сказать, что в школьные годы я был образцовым пионером и никаких ребячьих шалостей не совершал. Но и на учете в детской комнате милиции я, конечно, не состоял, а вот остаться на второй год однажды пришлось – это было в седьмом классе, когда мы переехали из одного района Москвы в другой.

Отец – старый партийный и советский работник; когда я кончал школу, он работал председателем райисполкома Тимирязевского района Москвы, в районе было четыре института, в том числе и знаменитая Сельскохозяйственная академия, мать очень просила устроить меня хоть куда-нибудь, но отец наотрез отказался. Он сказал так: «До тех пор пока ты не познаешь рабочий коллектив и не поймешь, чем он живет, тебе в институте делать нечего». И я попал в ремесленное училище.

Есть в Москве завод «Знамя труда», прежде это был «почтовый ящик», сейчас его рассекретили, – и вот при этом заводе находилось базовое ремесленное училище. Стал осваивать профессию слесаря-сборщика авиационных узлов. Не скажу, что все давалось легко, но жили мы в ремесленном по-своему весело. Разумеется, как каждому пацану, мне были нужны карманные деньги – на кино, на мороженое. Родители не имели возможности щедро одаривать: нас в семье было трое детей. И вот во время каникул я собирал ватагу ребят, и мы ездили на станцию Москва-Казанская разгружать вагоны с овощами и фруктами. Так зарабатывались деньги на карманные расходы, а то, что бригадир разрешал нам набивать свои сатиновые шаровары яблоками и уносить их с собой, – так я все приносил на родительский стол.

Помню одного мастера, который со стипендии отбирал у нас по трешнику – себе на выпивку. Собрал «мзду», он недели две был в загуле, а потом все повторялось снова. Боже мой, как мы его ненавидели! Стипендия была 23 рэ., а тут еще неизвестно зачем нужно было трешку выкладывать. Обидно до слез, но все давали и молчали. Я тоже молчал. Почему? Не знаю...

Кончил училище – и меня направили на авиационный завод. Тут я неплохо зарабатывал, и все до копейки приносил домой, в общий котел, так у нас было принято. В бригаде сборщиков я был самым молодым, первое время приходилось тяжело, а потом втянулся – и ничего.

Через два года, в 1957-м, комитет комсомола завода рекомендовал меня для работы на Московском фестивале молодежи и студентов.

Это были незабываемые дни. Они оказались настолько яркими, что их можно вспомнить поминутно, – ведь именно тогда к нам впервые приехали делегации Америки и Израиля, мой Ленинградский район над ними «шефствовал». Славные были ребята, их все интересовало: от наших помоек, на которые они, надо сказать, были «запрограммированы», до архитектуры Кремля. Правда, помойки им быстро осточертели, да и мы от них почти ничего не скрывали, никого не опекали: рано утром уезжали на заводы и фабрики, в пионерские лагеря, и весь день был в их распоряжении. Не хочешь добираться на автобусе – возвращайся пешком, только не забудь, где твоя гостиница. А забудешь – тебе покажут...

Меня тянуло на комсомольскую работу. Фестиваль кончился, и я вдруг получил лестное для себя предложение – стать инструктором Ленинградского райкома комсомола Москвы. Еще в ремесленном я избирался заместителем секретаря комитета ВЛКСМ училища, работая на заводе, входил в состав цехового бюро и, кроме того, активно участвовал в общественной жизни заводской молодежи. Видимо, в райкоме комсомола это заметили. Сразу скажу, что я всюду соприкасался с интересными, порядочными, исключительно положительными людьми. Общаясь с ними, кроме пользы, я ничего для себя не извлекал, то есть вот этой тяги к наживе у меня никогда не было да и быть, я думаю, не могло, хотя комсомольские работники тех лет получали очень скудную зарплату, а семейные ребята просто еле-еле сводили концы с концами. Потом, в 1961 – м, по решению МГК КПСС я первый раз был направлен на работу в органы внутренних дел. Не могу сказать, что шел с удовольствием, но это было партийное поручение. Сначала работал инструктором по комсомолу политотдела Главного управления мест заключения РСФСР, затем был переведен помощником начальника политотдела Управления мест заключения по Московской области, а потом меня снова взяли на комсомольскую работу – в аппарат ЦК ВЛКСМ. То есть выслуга лет в комсомоле у меня достаточно большая. В аппарате ЦК ВЛКСМ я был инструктором, заведующим сектором отдела пропаганды. Это был тот самый сектор, который, хотя и назывался «по работе с подростками», но на самом деле занимался предупреждением и профилактикой различного рода правонарушений среди детей и подростков.

Сейчас такое время, когда мы (особенно с помощью прессы) подвергаем сомнению буквально все, чем гордились годами. Поливаем, как хотим, и комсомол. Дошла и до него очередь. В печати постоянно появляются статьи о разложении в системе ЦК ВЛКСМ, чуть ли не о коррупции.

Я никогда не поверю, чтобы наш комсомольский брат позволял себе что-то такое. Мы занимались каждый своим конкретным делом. Каждый молотил свою копну. Я пришел в ЦК ВЛКСМ при Павлове, работал при Тяжельникове и Пастухове – об этих товарищах, руководителях всесоюзного масштаба, остались самые хорошие впечатления.

Забегая вперед, скажу, что Леонид Ильич был в курсе всех дел комсомола. Особенно уважительно он относился к Тяжельникову. Пригласив его на работу в ЦК КПСС, Леонид Ильич не скрывал, что Тяжельников очень перспективный аппаратчик, что он делает на Тяжельникова ставку, и со временем, если все будет хорошо, то это, возможно, будущий секретарь ЦК по идеологии. Как-то раз Леонид Ильич приехал к себе на дачу, там были и мы с Галиной Леонидовной, сели ужинать, и Леонид Ильич стал делиться впечатлениями о только что состоявшемся интересном разговоре с Тяжельниковым. «Да, мы в нем не ошиблись», – бросил тогда Леонид Ильич. Не знаю, о чем думал Юрий Владимирович Андропов, почему сразу же после ухода Леонида Ильича из жизни убрал он Тяжельникова из аппарата ЦК КПСС и отправил его послом в Румынию? Не потому ли, что Андропов сам был идеологом?

Да и другие комсомольские лидеры – каждый из них был ярок и самобытен, каждый оставил свой след. Не могу понять, почему инициативы комсомола тех лет сейчас предаются анафеме. Хотя бы ударные комсомольские стройки, это же замечательно! Мне самому доводилось принимать в них участие, более трех месяцев я находился на целине, видел эту молодежь, бывал в Липецке, на строительстве металлургического комбината, – все это осталось в памяти. Мы часто уезжали в командировки, иногда всем отделом ЦК, пристально и глубоко изучали опыт комсомольских организаций страны, бывали на заводах и фабриках, в исправительных трудовых учреждениях (я уже тогда получил некоторое представление о колониях и тюрьмах). Когда возвращались в Москву, проходил живой обмен мнениями, каждый старался, чтобы его записка была глубже и интереснее. Никаких интриг! Мы не болели «болезнью взрослых»; в ЦК ВЛКСМ была создана отличная атмосфера для работы. А если приходило время отдохнуть, так уезжали все вместе, если у кого-то свадьба, то приглашался весь отдел, и кроме подарка

каждый старался захватить с собой – как же иначе! – продукты из дома. Мы часто встречались по вечерам, но это были не пьянки, как сейчас пишут, это были нормальные молодежные вечеринки. Все в меру. Если комсомольский работник развелся – уже ЧП. И он должен был объясниться и в своей первичной организации, и у руководства ЦК ВЛКСМ. То есть у нас просто не было сил на всякого рода недозволенное времяпрепровождение. Карали за подобные вещи просто жестоко.

Словом, не все было плохо. Именно комсомолу мы обязаны тем, что у нас появились замечательные партийные работники. Секретарем ЦК ВЛКСМ в середине 60-х годов был Солико Хабеишвили человек резкий, моторный, очень интересный. Когда я находился в Лефортове, Гдлян вдруг сказал мне, что Хабеишвили, занимавший тогда высокий пост секретаря ЦК КП Грузии, тоже арестован, что ему инкриминируется обогащение на сумму почти полтора миллиона рублей, при обыске в квартире изъяты десятки килограммов чистого золота, – а теперь выясняется, что ничего этого нет и не было. Опять же, со слов Гдляна, я понял, что Солико живым из тюрьмы не выйдет, что он якобы уже сломался, что они его ведут под расстрел; и еще намекнул на кого-то «из Кремля», чуть ли не на Шеварднадзе. Только из газет уже здесь, в колонии, я узнал, что Солико Хабеишвили не сдался. После того, как к власти в Грузии пришел Джумбер Патиашвили, секретарь ЦК, как и Солико, он просто решил избавиться от Хабеишвили и поступил с ним как в Средневековье: кинул его в тюрьму. А когда с расстрелом не вышло, когда на суде люди отказались лжесвидетельствовать, спутав карты Патиашвили, с Солико решили расправиться иначе: его поместили в тюремный карцер, где он, уже пожилой человек, просидел больше двух лет. В этом ледяном каземате, где гуляли крысы, а в дождливые дни было по колено воды, он находился ровно до 9 апреля 1989 года, когда в Грузии произошли трагические события, и Патиашвили был отстранен от власти. Сейчас Верховный Суд республики сократил срок заключения Солико Хабеишвили на целых восемь лет, и через год, если все будет хорошо, он будет на свободе. Здесь, в колонии, я прочитал его интервью. Уму непостижимо, что пережил этот человек. Но разве он один? По-доброму я вспоминаю Отара Черкезия, секретаря ЦК ЛКСМ Грузии. В последние годы он работал председателем Совета Министров ГССР. Вот это все одна «команда» – Хабеишвили, Черкезия; все они работали с Шеварднадзе. Горьковским обкомом комсомола руководил Янаев, потом он перешел в Комитет молодежных организаций и возглавил его, возглавлял ВЦСПС. На IV съезде народных депутатов СССР Г. Янаев стал вице-президентом СССР. Я работал вместе с Визировым, курировавшим тогда отдел рабочей молодежи, – он запомнился мне как энергичный агитатор; Пуго тоже возглавлял в ЦК ВЛКСМ один из отделов, нам приходилось вместе решать многие проблемы и вопросы. Я хорошо помню Снечкуса. Это был человек большой судьбы, старый революционер, подпольщик, отдавший свою жизнь делу становления в Литве советской власти. Вряд ли Снечкус и его жена, тоже бывшая подпольщица, согласились бы с теми процессами, которые происходят сейчас в Литве. Галина Леонидовна и я – мы оба питали исключительно глубокие симпатии к Снечкусу и каждый раз, когда приходилось посещать Вильнюс, возлагали на его могилу цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.